

Утренний ветер в переулке всё ещё хранил влажную свежесть рассвета. Си Юй, неся купленные сладости и лекарственные травы, легкой походкой направлялся к своему временному пристанищу. Это был первый день после побега из заточения Цзинлю, и впервые с момента своего перемещения в этот мир он по-настоящему ощутил вкус свободы. Больше не нужно было смотреть на прутья птичьей клетки, не нужно было опасаться той болезненной одержимости в её алых глазах. Он мог, как обычный человек, выбирать любимые пирожные с османтусом на рынке Сяньчжоу Лофу и купить лекарства, чтобы обработать ссадины на руках, полученные во время вчерашнего побега.

Его временное жильё пряталось в глубине улицы Юйчжао, в маленькой гостинице. Хозяйка, добродушная женщина средних лет, не стала расспрашивать о его прошлом, лишь улыбнулась, заметив, что у него приятное лицо. Сейчас он стоял перед дверью своего номера на втором этаже, кончики его пальцев всё ещё хранили тепло бумажного пакета с выпечкой, а в мыслях он уже представлял, как заварит чашку чая и насладится этой редкой тишиной. Но стоило ему толкнуть дверь, как знакомый, леденящий душу холодный аромат внезапно ударил в лицо.

В комнате не горел свет, шторы были плотно задернуты, лишь несколько лучей пробивались сквозь щели, едва освещая фигуру, стоящую в центре. Черно-синий доспех Облачных Рыцарей тускло поблескивал в полумраке. Меч на поясе оставался в ножнах, зато в руках у женщины был клинок, выкованный из ледяных кристаллов. Он был прозрачен, как хрусталь, и струящийся от него холод заставил температуру в комнате резко упасть.

Это была Цзинлю.

Сердце Си Юя словно сжала невидимая рука, кровь мгновенно застыла в жилах. Он невольно отступил на шаг, бумажный пакет выпал из рук, и пирожные с османтусом рассыпались по полу. Сладкий аромат смешался с горечью трав, но не смог разогнать мертвую тишину, воцарившуюся в воздухе.

Цзинлю медленно обернулась. Её алые глаза пугающе ярко светились в темноте. В них больше не осталось прежних сложных эмоций — лишь ледяная пустота и мрачная ярость, подобная бескрайним снежным равнинам, лишенным тепла.

— Беги же, Си Юй, — произнесла она. Голос её был пугающе спокойным, но каждое слово вонзалось в сердце юноши, словно ледяная игла. — Мне любопытно посмотреть, куда ты сможешь сбежать.

— Ты... как ты нашла меня здесь? — голос Си Юя дрожал, ноги подкашивались. Он ведь был так осторожен, специально петлял во время побега, выбрал самую неприметную гостиницу, но Цзинлю преследовала его, словно неотступная тень, и с легкостью выследила.

Цзинлю не ответила, лишь сделала шаг в его сторону. Ледяной клинок в её руке слегка качнулся, оставляя в воздухе крошечные кристаллы льда, которые тут же таяли, превращаясь в капли воды. Она шла неспешно, но её приближение давило невыносимой тяжестью. Каждый её шаг отдавался болью в нервах Си Юя, затрудняя дыхание.

— Я давала тебе шанс, — Цзинлю остановилась прямо перед ним, впившись взглядом в его лицо. В её тоне сквозила разрушительная ярость. — Я позволила тебе остаться рядом, давала лучшую еду, разрешала гулять по двору... А ты? Ты выбрал побег, выбрал предательство.

— Я не предавал! — в отчаянии воскликнул Си Юй, не в силах сдержать слезы. — Я вовсе не тот Юй, о котором ты говоришь! Я просто хотел жить, хотел быть свободным! Почему ты должна меня принуждать?!

— Свобода? — Цзинлю словно услышала нечто до крайности нелепое, и уголки её губ изогнулись в жестокой усмешке. — В тот миг, когда ты решил уйти от меня, ты лишился права на свободу.

Её взгляд внезапно стал острым, ледяной клинок резко взметнулся вверх, нацелившись на ноги Си Юя.

Зрачки юноши сузились. Он инстинктивно попытался развернуться, чтобы бежать, но тело словно пригвоздили к месту. Он мог лишь беспомощно смотреть, как клинок с пронзительным холодом опускается на его голени — без предупреждения, без малейшего колебания.

Пш-ш-ш!

Звук рассекаемой плоти прозвучал пугающе четко, а вслед за ним всё тело пронзила нестерпимая, мучительная боль. Си Юй чувствовал, как холод меча проникает в рану, замораживая кровь и делая боль ещё острее. Он издал душераздирающий крик и рухнул вперед. Судорожно обхватив ноги, он нащупал лишь теплую кровь и холодные края обрубков. Его голени были начисто отсечены одним ударом, а на каменном полу быстро расплзлась алая лужа.

— А-а-а! Больно! Как же больно! — сознание Си Юя начало туманиться от невыносимых страданий, слезы, смешанные с потом, капали на окровавленные руки. Он поднял голову и увидел перед собой Цзинлю. В её алых глазах не было ни капли жалости, лишь одержимость и холодное торжество охотника, наконец настигшего добычу.

— Теперь ты никуда не денешься, — Цзинлю убрала ледяной клинок. Оружие в её руке медленно таяло, превращаясь в капли воды. Она присела, протянула руку и кончиками холодных пальцев нежно коснулась его щеки. Это движение казалось ласковым, но заставило Си Юя содрогнуться. — Так ведь гораздо лучше, Си Юй. Ты останешься со мной, тебе больше не придется думать о побеге, а мне не придется беспокоиться, что ты уйдешь.

Губы Си Юя дрожали. Он хотел что-то сказать, но из-за боли и ужаса мог выдать лишь обрывочные стоны. Глядя на свои пустые штанины и расплзающуюся кровь, он понял, что последняя надежда на свободу окончательно разрублена этим ледяным клинком, рассыпалась, подобно раздавленному пирожному, и собрать её уже невозможно.

— Зачем... зачем ты так со мной... — из последних сил прошептал он, и в его голосе звучало полное отчаяние. Он не понимал, что сделал не так, чтобы заслужить столь жестокую кару. Все беды после перемещения, страх заточения, короткая вспышка надежды после побега и нынешняя нестерпимая боль — всё это вонзалось в его сердце, словно тысячи игл, лишая чувств.

Цзинлю не ответила. Она поднялась и подхватила его на руки. Её движения были уверенными и властными. Лежа в её объятиях, Си Юй отчетливо чувствовал холодный аромат её тела, твердость доспехов и стук её сердца — ровный и сильный, отчего ему становилось только страшнее.

— Мы идем домой, — тихо сказала она с непререкаемой уверенностью. — На этот раз я не дам тебе шанса на побег.

Си Юй закрыл глаза. От острой боли перед глазами плыло, сознание постепенно ускользало. Перед тем как окончательно провалиться в темноту, в его голове осталась лишь одна мысль: оказывается, так называемая свобода была для него лишь коротким сном. А Цзинлю — та, кто разбила этот сон и самым жестоким образом вернула его в клетку, имя которой — заточение, из которой теперь уже нет выхода.

В комнате остались лишь пятна крови и крошки османтусовых пирожных. Сладкий аромат, смешанный с запахом крови, безмолвно свидетельствовал о трагическом финале короткого побега. Цзинлю вынесла Си Юя из гостиницы. Солнечный свет падал на неё, но не мог рассеять исходящий от неё холод и согреть сердце юноши, окончательно скованное отчаянием.

<http://bllate.org/book/20757/2081629>